

Я узнаю тебя по куражу,
по лбу крутому крайнего упрямства.
Ну хочешь, я немного одолжу
смирения тебе и постоянства?
Вот так, бери, не бойся! Пусть хоть в
долг,
а не отдашь — мне многого не надо.
Зачем же упираться в потолок,
когда довольно воздуха и сада?
Ну что ты ищешь,

взбалмошный мой?

Весь наизнанку, словно вещь чужая.
То нараспашку —
душу на пропой,
то в коконе —
как бабочка слепая.
Ну, вот же воля!
Свежая волна
тебя лелеет, пестует, качает.
И нежности моей (когда сполна)
одной её нам на двоих хватает.

Вот и весна!
Дождалась, слава Богу!
Бабка с молитвой вздохнёт.
Солнце на круг... Да и я понемногу,
чай, проскриплю этот год.
И, разогрев на печи свои кости,
спустится. Утро в окне,
что же я, старая?! Нынче ведь...
гости —
детки приедут ко мне.

Ох, а в избе-то — гляди,
сколько пыли!

Сослепу б не пропустить...
Едут, поди, ведь рождения ныне...
день.
Навестят, стало быть.
Скатерть разгладит шершавой
ладонью —
гостюшкам всякою снедь.
Рада сама, всё хлопочет к застолью.
С радости б не помереть!

Галина Балебанова — член Союза писателей России, лауреат премии «За искренность в поэзии, вклад в развитие просветительской деятельности и вклад в популяризацию творческого наследия великой русской поэтессы Марины Цветаевой». В числе ста московских писателей ей был вручён орден «За вклад в литературу России XXI века» (2020). Постоянный участник Дней русской книги в Париже (презентация книг и встречи с читателями), выступала в Российском центре науки и культуры в Брюсселе, на поэтических вечерах в Москве, Петербурге, Калининграде, в Калужской, Пензенской и Рязанской областях, в Казани, Елабуге, Ангарске, Кемерово, Сочи. Автор многих сборников стихов, выходивших на русском, французском, польском языках. Автор музыкально-поэтического спектакля «Жизнь не в розовом цвете, или Семь историй любви М. Цветаевой». Во время встреч со зрителями поэтесса ещё исполняет народные песни, так как она к тому же — профессиональная певица, выступала в народном ансамбле русской песни «Рязаночка».

Ты слишком юный,
слишком неумелый,
но как же манит молодой азарт.

Приворожит...
в молитвенной осанне
блаженства миг. И я к тебе рвалась,
тепла желая. Ну, а как обманет
свиданье наше?

Предвкушая власть,
ты позволял себе непостоянство —
гнев грозовой и пламень,
только знай...

Тебе прощаю детское жеманство.
Любимый мой,
любимый месяц — май.

* * *

Мальчики, любите нас жарко,
пламенно,
мы без вас забыли... какие... мы!
грубо, дерзко, вольно — пускай!
Неправильно,
когда одиноким снятся
тревожные сны.

Мальчики, любите нас грозою,
ливнями,
в нас после дождя — расцветут сады.
Сладкими во грехе, но...

всё же невинными
станем мы наложницами
вашей орды.

Мальчики, любите нас ветрами,
инеем.
только от мороза... больно... — тихо...
умрём.

Мы детей своих наречём
вашим именем,
отчеством вашим назовём.
И пускай любовь станет тоньше
волоса,
облаком незримым, туманным днём.
только вы ЛЮБИТЕ...

любите нас на разные голоса —
ведь пока вы — ЛЮБИТЕ...
мы — ЖИВЁМ...

* * *

Забываем себя,
как пальто в гардеробе,
как в трамвае — зонты,
как перчатки — в гостях.

Наша память хандрит иногда
к непогоде
и в душе так саднит
на дурных новостях.

Говорят, всё мука — мол,
в беспамятстве счастье —
сбрось все думы с плеча,
станет легче плечу.

Но упорная память всё бьётся
в запястье
и в мишень, что известна,
как сердце — врачу.

Мы из крови и плоти,
но нервы из стали,
оглянись, за спиной
сплошь окопы да рвы.

Без царя в голове
беспризорными стали,
а она ведь не терпит, увы, пустоты.

* * *

Когда цепляешься за прошлое,
не замечая настоящее,
ты собираешь это крошево
и чахнешь в нём,
как тварь дрожащая.

Мозг в кислородном голодании —
как хроник: слабость и бессонница.
Его предел — воспоминание,
что бьёт в висок и в двери ломится.
В том доме стены стали тесными,
но слишком робок адресат.
С порога он сказал: «Что, если бы!?.»
но в страхе повернул назад.

* * *

Ржавый закат, обгоревшие облака...
солнце палить устало и в кому впало,
след на асфальте впечатан

от башмака —
вот он прошёл и пропал
(человек... растаял).

Тени сползали
с разгорячённой листвы
и проникали в окна —
распахнуты,
душно.

В сумерках расплывались дома
и дворы.

Поздний прохожий найдёт
(если будет нужно).

Псина дворовая высунула язык —
жадно хватает прохладу
и щурит веки —

прячет зрачки,
а в горле уснувший рык.
Ну, от кого охранять?
Если спят человеки...

* * *

Может быть, я забыла себя
в тесноте того старого дома,
у зимы, на краю февраля,
когда юными были мы оба.
Половицы натужно скрипят,
к ночи смолкнут по-стариковски.
Сколько им?
Так уж сто пятьдесят...
Жив ли дом в переулке московском?
До сих пор его запах и вкус
горько-ягодного варенья.
Вьюга в окна, и я — веселюсь
в твой заснеженный день рожденья.
Замело нас...
за вьюгою той
ни тропинки, ни света, ни звука.
Выйди встретить меня. И рукой

мне махни.
Чтоб узнали друг друга.

* * *

Лимонной долькой падает луна
ко мне в горячий чай,
подвину кружку...
И ей скажу: — ты кстати, я — одна,
попью вдвоём?
— Давай,
мне в небе... скучно.
И в каждой капле множится, горчит
янтарь её —
хоть по глотку, но жжётся.
И на ресницах каплями дрожит
и льёт, и льёт
печаль...
Затмив мне солнце.

* * *

Я — ходячая вежливость,
благопристойность —
Воспитали так...

Всё добром кормили.
Обидели?
Пусть подождёт твоя гордость.
Люди все братья — мне говорили.

Где-то больно на ногу наступили?
И на самолюбии потоптались?
Ничего, ты вспомни,
как нас учили —

Мягче будь,
к другим проявляй жалость.
Щедро поделись радостью
и счастьем,

В гардеробе тесно?
Отдай рубашку!
Эгоизмом будет и безобразием,
если дверь бронированная,
не нараспашку.

Вот и ёжусь, ёрзаю от неудобства,
Скрыть благополучье своё пытаюсь.
Но есть одно лечебное средство —
Нить, ворчать и говорить
другим гадость.

И как только этим сосед насладится,
Скажет: — От зануды
лучше б подальше!
Столько сразу места освободится,
Вздыхну полной грудью,
без лести и фальши.

* * *

Расстаться было б — лучшее из зол,
Нам, видимо, пора остепениться...
Прощальный ужин, ты накрыла стол,
он на двоих, потом начнём
поститься.

Сердечную мне урезонить боль,
тоску в глазах сменить
на равнодушие,
испытывая горечь и удущье.
Хотела порознь? Что ж —
бери... изволь.
Моею тенью смотрит в окна сад,
заглядывает в спальню, не стесняясь,
с твоей свободой словно соглашаясь.
То из МОЕЙ он боли прорастал...
перерастал.
Да... он мудрее нас,
он с нас писал плоды, цветы и травы.
А ты теперь от скуки иль забавы
ему... в любви и верности клялась.

* * *

Не мои грехи, не твои грехи...
честь — не продали.
Красным бил набат — горло петухи
драли с одури.
До последних мук — до кровавых мук
(снилось? явно ли?)

гнали тысячи. И ни трёх, ни двух
пуле — сватали.
Приголубь их тьма, упокой закат...
крест прожёт ладонь.
Без креста стал свят —

и за тем пригляд,

кто ушёл — за Дон.
Плетью, пряником звали жить в раю,
под опекою.
Там трава взошла, с гнилью —
на корню,
ждали — крепкую.

Молчаливым ртам боли не испить
с горе-мукою.
Верной, праведной обещала быть
стала... сукою.

* * *

Глупые.
Ещё не подросли...
Тычемся макушками в ладони —
мама, мама — на руки возьми, —
хнычем и забавно хмурим брови.
Резкие.
Весь мир наперекор
и от предков тысяча запретов.
Дети и отцы, мораль и спор —
вот она, цена входных билетов.
Жаркие.
Когда всё в первый раз.
Через всю судьбу любви навстречу
чувства, окрыляющие нас
и обиды, бьющие картечью.
Сильные.
Ну а душа, лишь тронь,
оборвётся тонкою струною.
Не к кому упасть лицом в ладонь,
и потери мстят тупую болью.
Старые.
Подслеповатый взгляд
до утра в окне. И свет в передней
всё не гаснет — старики не спят,

